

МЫ И ЗАБЫЛИ, ЧТО ТАКИЕ ЛЮДИ БЫВАЮТ

В ночь с 3 на 4 августа 2008 г. умер Александр Исаевич Солженицын. Отпевание состоялось в Большом соборе Донского монастыря. Похоронен Солженицын в монастырском акрополе, за алтарем церкви преподобного Иоанна Лествичника.

1918 — 2008. Жизнь, охватившая эпоху. Эпоха завершилась.

ОН. Стоял вровень с эпохой и против нее в полной человеческий рост. Эпоха упорно доказывала: личность — ничто, мнимость; сущность и истина — это класс, партия, государство. Аргументы были убедительны — армия, ЧК, лагерь, насыщенный раствор лжи.

Стоял один. Не оглядываясь, не ожидая помощи. Но был — не один. Еще было слово. И душа. И дух. И воля. И друзья. И жена. И Бог.

Эпоха надувалась, нависала тучей во весь горизонт, играла имперскими мускулами, подмигивала сквозь пенсне бериевским глазком. Эпоха была уверена в себе, но верить — не верила: ни в кого, никому. Да и как верить, если человеческое тело и душа так податливы, так легко теряют очертания, превращаются в пыль и пепел. Что может противопоставить мощи эпохи ничтожный ээк, смертельно больной сельский учитель?

Знала ли история такого счастливого человека? Из войны, тюрьмы, неизлечимой болезни, гонений выйти живым, свободным, цельным, изпод таких глыб так вольно дышать, из такой бездомности и безытности взрастить такой дом, такую любовь, таких сыновей. Как это возможно? Кому? Идущему путем воина, как думал о нем С.С. Аверинцев? Нет, скорее идущему путем Авраама, путем отклика, тому, кто расслышит зов и тотчас откликнется: «Вот я, Господи!» Только в такой безоглядности отклика все подлинное создается, а созданное сохраняется. «Если не Господь созиждет дом, напрасно трудятся зиждущие; если не Господь сохранит град, напрасно бодрствует стражник». Свет и энергию этой сопричастности и разглядела в нем Ахматова: «...Светоносец! Свежий, подтянутый, молодой, счастливый! Мы и забыли, что такие люди бывают...»

Главной темой Солженицына была революция. И главным делом. Революция большевиков верх сбросила вниз — втоптала в землю крестьянство (вы хотели земли?), обрекла на мучения священство (вы хотели крестного пути?)... перечислять дальше — пересказывать «Архипелаг». Солженицын совершал другие перевороты — вверх, перевороты преобразования. Гулаговский ад и мрак превращался в свет правды, изгнание с Родины — в служение ей. Главной страной солженицынской революции была территория души. За траурные дни августа 2008 года множество раз разные люди повторяли одно и то же свидетельство — о благодарности за переворот, который произвело в них чтение Солженицына. И сам помню: после «Ленина в Цюрихе» я перестал быть прежним, закрыв последнюю страницу «Архипелага», стал новым — возврата назад уже не было.

Таков он, а что же мы?

МЫ. Разучились видеть величину. У нас симптом микропсии, состояние при котором размеры предметов видятся меньшими, чем они есть в действительности. Синонимы этого расстройства — «Карликовые галлюцинации» и «Лилипутское зрение». Мы оказались не способны воспринять масштаб человека, стоящего в полный рост. Чтобы увидеть великое, нужно рискнуть поднять голову, расправить плечи, выпрямиться. Видеть великое страшно: оно безжалостно напоминает о нашем человеческом призвании, о заданной человеку мере.

Солженицына мы до сих пор не прочли. Решимся ли на чтение? Пройдя сквозь него, нельзя ведь будет позволить себе ни позиции карлика, ни его измельчающих мир галлюцинаций. Скажу больше — нельзя будет позволить себе быть несчастным.

Ф.В